Далекий 1963 год. Седьмой класс. Классный руководитель предложила мальчикам и девочкам нашего класса обменяться подарками. И однокашница Нина Сафонова подарила мне книгу Николая Дворцова «Море бьется о скалы». Книгу я прочитал не сразу, да и читал медленно: может, кому-то покажется странным, но книги о Великой Отечественной войне я, в отличие от многих мальчишек, не жаловал. Наверное, потому что мой отец вернулся с той страшной войны без ноги, ходил на костылях и не любил ни вспоминать, ни рассказывать о суровых военных буднях.

Книга Николая Дворцова поразила меня жестокой правдой о пребывании советских людей в фашистском плену в далекой Норвегии, где они, находясь в нечеловеческих условиях, проявляли мужество, стойкость и продолжали бороться с врагом. Я долгое время пребывал под впечатлением от ее прочтения. Мой отец сказал, что это достойная книга правдивого человека.

С Николаем Григорьевичем Дворцовым я познакомился в 1965 году, когда он по приглашению руководителя литобъединения при газете «Алтайская правда» Марка Иосифовича Юдалевича провел одно занятие с нами, начинающими литераторами. Он рассказал о своем творчестве и ответил на наши вопросы, а мы прочли стихи и короткие рассказы. Подобную встречу спустя год организовал Геннадий Панов в редакции газеты «Молодежь Алтая». Меня удивило, что, несмотря на большую разницу в возрасте, Николай Григорьевич, внешне неулыбчивый и неразговорчивый человек, держался с нами на равных. Он советовал, но не поучал.

В те годы Алтайская краевая организация Союза писателей СССР находилась на втором этаже старинного здания, на проспекте Ленина, 8, между улицами Ползунова и Пушкина. Я жил неподалеку на улице Приречной, плавно переходящей в Ленинский проспект. Иной раз, проходя мимо, заглядывал к писателям на огонек и посещал литературные мероприятия.

С дочерью Татьяной на первомайской демонстрации. Фото из архива семьи Дворцовых

Помню, в июле 1969 года, в хмурый пасмурный день, едва я ступил на асфальт Ленинского, как небо над городом накрыла гигантской улиткой тяжелая лиловая туча, сопровождаемая зигзагами молний и раскатами грома. Подул шквалистый ветер, хлынул ливень. Спасаясь от дождя, я забежал в краевую писательскую организацию в надежде, что вдруг встречу или Геннадия Панова, или Владимира Казакова, пережду непогоду да прочту им стихи, написанные недавно. Но кабинет, где находилась редакция альманаха «Алтай», был закрыт, а соседний, занимаемый ответственным секретарем писательской организации, им в то время был Николай Григорьевич Дворцов, — открыт. Известный писатель услышал шум и выглянул в коридор. Он едва сдерживал улыбку на лице, глядя на меня, промокшего и растерянного. Николай Григорьевич пригласил нежданного посетителя в кабинет.

– Старина, извини, я тебя знаю, но, чтобы не спутать с кем-либо, напомни, как тебя звать-величать?

Я ответил на вопрос Дворцова. Он усадил меня на стул и сказал, что сейчас мы будем пить чай. Алюминиевый чайник с кипятком стоял на электрической плитке, и над его крышкой с клювообразным носиком поднимались белесые струйки пара.

– Николай Григорьевич, право неудобно, я заскочил на минутку, думал, что застану кого-нибудь из руководителей литобъединения.

– Володя, лето на дворе, разве кого застанешь! — ответил он, доставая из стола сверток. — Потому я не принимаю никаких возражений, считай, ты попал к новому руководителю литобъединения. Тебе не отвертеться и не ускользнуть от бывалого человека, а от домашних пирожков да чая грех отказываться.

И за чашкой чая потекла беседа. Дворцов спросил, где я живу, кто мои родители. Николай Григорьевич сумел подобрать ко мне ключик, и я, в общем-то, скрытный юноша, рассказал ему, что отец погиб в сентябре 1964 года на работе, повесившись на костылях, что он участник Великой Отечественной войны и в 1942 году попал в фашистский плен. Во вражеском лагере, стоявшем в поле недалеко от села, он находился несколько месяцев. Затем ему с группой друзей удалось совершить побег, но уже у нашей линии фронта отец подорвался на мине. Его контузило, тяжело ранило и в госпитале ему выше колена ампутировали ногу. После войны отец скрыл от органов пребывание в немецком плену, но сексоты донесли на него в КГБ. Летом 1947 года, когда мама была беременна мной, отца арестовали, и пока шла проверка, две недели держали в подвалах учреждения и три месяца в СИЗО на улице Канатной. Прерывая нить рассказа, загляну в будущее и скажу, что много позже, в 2002–2003 году, я работал над книгой «Повествование о городских окраинах» и написал стихотворение о смерти отца.

Николай Дворцов. *Фото из архива семьи Дворцовых*

Мой отец, тебя доконала
Водка злая, война, серость дней...
Смерть усталое тело качала
На кресте из двух костылей.
На веревке...
Сквозняк.
Магазин.
И записка:
«Прости меня, сын!»

А тогда Николай Григорьевич слушал молча, его крупное лицо мрачнело, оно каменело на глазах, и на нем резче проступали морщины.

– Да! Мне это все знакомо до боли. Многое из того, что ты рассказал, пришлось пережить. Застенки КГБ находились рядом, на улице Ползунова, сейчас там здание мединститута, — вымолвил автор книги «Море бьется о скалы».

А я подумал, что пусть на дворе и стояла хрущевская оттепель, но от писателя требовалась недюжинная смелость, чтобы написать столь значимый роман на тему, более десяти лет пребывавшую под запретом.

Николай Григорьевич поинтересовался, где я работаю. Затем я прочитал ему несколько стихотворений. Суровость исчезла. Улыбка озарила его лицо. За окнами стих шум. Дождь перестал. Я поблагодарил Николая Григорьевича за чай, похвалил вкусные пирожки, и такая доброта, домашность исходила во время прощания от его крепкой фигуры, подобревшего лица и сочувственного взгляда, что не хотелось покидать уютный кабинет.

Николай Григорьевич Дворцов (1917–1985) прибыл на Алтай после войны, в 1947 году. А родился на Саратовщине, в селе Курилово. Учился в школе колхозной молодежи, летом работал табельщиком в полевой бригаде. В 1940 году он окончил Саратовский учительский институт, преподавал в средней школе русский язык и литературу. В Барнауле Дворцов работал в книжном издательстве, на краевом радио, в молодежной газете. Он несколько лет редактировал альманах «Алтай», четыре года был ответственным секретарем Алтайской писательской организации. Избирался членом правления Союза писателей РСФСР.

Николай Григорьевич Дворцов — автор 14 книг прозы. Его роман «Дороги в горах» выдержал пять изданий, в том числе в Москве и Новосибирске, а роман «Море бьется о скалы» четыре раза увидел свет в Алтайском книжном издательстве.

Николай Дворцов награжден орденом «Знак Почета», удостоен звания «Заслуженный работник культуры России» (1984).

Прошли годы. И в наши дни меня гложет чувство вины, что я слабо настаивал, убеждая Владимира Борисовича Свинцова, инициатора и редактора популярной книжной серии «Городская библиотека», а затем и Галину Дмитриевну Колесникову, продолжателя этого проекта, переиздать роман Николая Дворцова «Море бьется о скалы». Тем более — это произведение стояло в плане книжной серии.

Крайне несправедливо и нечеловечно, но с пришествием капитализма книги известного писателя, участника Великой Отечественной войны, стоявшего у истоков создания альманаха «Алтай» и образования краевой писательской организации, не переиздавались. В 2017-м исполняется 100 лет со дня рождения писателя. Не пора ли преодолеть забвение?!